

Спустя некоторое время Шэнь Фаши нарушил молчание:

— Почему ты всё ещё используешь бамбуковую курительную трубку?

Цзи Саньмэй ответил кратко:

— Привык.

Шэнь Фаши снова замолчал на мгновение, после чего достал из рукава длинный предмет и протянул его Цзи Саньмэю:

— Сегодня, увидев, как ты возвращаешься в город, я подумал, что нечем тебя порадовать. Вот, возьми это.

Это была золотая нефритовая курительная трубка, украшенная резьбой. Мундштук был сделан из хотанского нефрита, и её величественный стиль идеально сочетался с аурой Цзи Саньмэя.

Шэнь Фаши добавил:

— На самом деле есть ещё целый набор курительных принадлежностей, но я не смог его принести. Завтра доставлю его к тебе домой.

Цзи Саньмэй словно остолбенел, долгое время смотря на подарок, прежде чем поднять голову. Его губы изогнулись в чарующей улыбке, и он невпопад произнёс:

— ... Брат Шэнь, завтра пойдём пить цветочное вино.

...

Погружённый в воспоминания Цзи Саньмэй смягчился не на шутку. Очнувшись от своих грёз, он заметил, что под его ногами появилась тень от густого дерева.

Он обернулся и увидел Чанъаня.

Его правая рука превратилась в ветви пышного платана, нависая над головой Цзи Саньмэя словно зонтик. Неизвестно, сколько времени он продержал эту позу:

— Жарко. Не дай тебе солнце обжечь.

Цзи Саньмэй слегка удивился его заботе, после чего, держа в руках миску, улыбнулся с искренней благодарностью:

— Спасибо, старший брат.

Чанъань вежливо и мягко кивнул, продолжая держать свою тенистую правую руку, чтобы защитить Цзи Саньмэя от солнца.

Закончив с последними зёрнышками риса в миске, Цзи Саньмэй встал, намереваясь зайти в дом, чтобы найти свой табак и немного взбодриться. Однако едва он собрался подняться, перед ним появилась золотая нефритовая курительная трубка.

Её держал Чанъань, его левая рука протянула её Цзи Саньмэю. Он смотрел на него с горящим взглядом:

— Возьми её.

Цзи Саньмэй, не ожидавший увидеть здесь старую вещь, на мгновение застыл, после чего вытер руки о край одежды и с осторожностью принял трубку. Его взгляд скользил по ней с тоской, прежде чем он поднял голову и спросил:

— Старший брат, это учитель велел тебе передать?

Цзи Саньмэй просто бросил вопрос наугад, но Чанъань с радостью подтвердил:

— Да, именно он! Он сказал, что тебе будет удобнее с этим!

... Как и следовало ожидать, Шэнь Фаши оставался Шэнь Фаши — он уже начал подозревать.

Но искушение, которое представляла собой эта курительная трубка, было для Цзи Саньмэя сравнимо с деликатесами перед гурманом. Он колебался долгое время, прежде чем сглотнуть слюну.

... Подозрения — это одно, но вряд ли он сразу узнает Цзи Саньмэя только по тому, как он курит.

...

В соседнем кабинете Шэнь Фаши сидел за столом, наблюдая издали за двоими во дворе.

Ван Чуаньдэн стоял перед ним, опустив глаза, с выражением лёгкой досады на лице:

— Губернатор, ты слышишь, что я говорю?

Шэнь Фаши поднял голову, показывая, что слушает:

— Почему в последнее время так много демонов, призраков и лисов?

Ван Чуаньдэн пожал плечами:

— Не знаю. Может, небеса испортились.

Такие непочтительные слова слетали с его языка с лёгкостью, а Шэнь Фаши всегда позволял Ван Чуаньдэну говорить что угодно, не делая замечаний.

Он взял отчёт о результатах недавней операции по очистке логова призраков на горе Белого Императора, пролистал пару страниц и слегка приподнял бровь:

— Сто один череп?

Ван Чуаньдэн кивнул.

Во время операции на горе Белого Императора он обнаружил в глубине логова призраков кровавую яму, заполненную белыми черепами. Ван Чуаньдэн лично выловил все черепа, пересчитал их и насчитал сто один.

Призраки, питающиеся людьми, всегда стремились высасывать костный мозг, разбивая и разламывая кости, чтобы съесть их полностью. Оставить черепа — это было не в их привычке.

Ван Чуаньдэн хотел сказать что-то ещё, но Шэнь Фаши внезапно изменился в лице, согнувшись и схватившись за живот.

— Губернатор, что случилось? — Ван Чуаньдэн чуть не бросился вперёд.

Шэнь Фаши терпел несколько мгновений, прежде чем поднять голову. Его лицо было покрыто ярким румянцем, распространившимся до шеи.

Он сразу же посмотрел в окно.

... Цзи Саньмэй сидел на пороге главного дома, выпуская клубы дыма.

Ощущение инородного тела в животе становилось всё сильнее, заставляя Шэнь Фаши дрожать. Он сжал кулаки, сжал ноги, но тело всё равно непроизвольно согнулось.

Эта золотая нефритовая курительная трубка была подарком Шэнь Фаши Цзи Саньмэю. С тех пор, как он получил этот подарок, Цзи Саньмэй не расставался с ним ни на мгновение, даже во сне.

Но Цзи Саньмэй не знал, что его доверчивый брат Шэнь сделал с трубкой нечто постыдное — он вложил в неё часть своего духовного сознания.

С тех пор каждый раз, когда Цзи Саньмэй курил, Шэнь Фаши явственно ощущал, будто маленький зверёк скрывается внутри его тела, неустанно лижущий его кости.

А Цзи Саньмэй курил не так, как все — это было крайне непристойно.

Он сначала облизывал мундштук, затем медленно втягивал дым, и его гибкий язык скользил по мундштуку снова и снова. Его губы и язык были настолько гибкими и мягкими, что даже трубка могла бы согнуться от его развратности.

Тело Шэнь Фаши полностью захватило это знакомое ощущение облизывания.

Такой способ курения... это был Цзи Саньмэй, без сомнений.

Цзи Саньмэй совершенно не осознавал, что его маска уже на грани разоблачения.

Хотя сочетание золотой нефритовой трубки и дешёвого табака создавало ужасный, леденящий вкус, Цзи Саньмэй, который никогда не был привередлив, курил с удовольствием.

Как только он удовлетворил свою тягу к табаку, он расслабился.

Держа трубку в зубах, он, окутанный дымом, спросил у Чанъаня:

— Почему учитель решил заняться буддизмом?

— Не знаю. Я родился здесь, — взгляд Чанъаня был предельно честен, и он указал на поляну среди сосен, чтобы подчеркнуть свою искренность:

— Три года назад я рос справа от того дерева.

Цзи Саньмэй обладал практичным умом. В голодные детские годы он оценивал окружающие вещи только по критерию «съедобно» или «несъедобно». Повзрослев, он развил эту коммерческую мысль, классифицируя всё вокруг как «полезное» или «бесполезное».

И древесный дух перед ним явно попадал в категорию «бесполезных». Он не знал, почему Шэнь Фаши решил заняться буддизмом, почему он отправился в монастырь врага, и даже почему у него такое лицо. Мир и отношения Чанъаня были просты, как чистый лист бумаги. С момента своего рождения он каждый день проводил два часа, медитируя под солнцем, что считал достаточным для насыщения, хотя в пасмурные дни он легко голодал. Его самая большая проблема заключалась в том, что весной он не мог контролировать листопад, за что его ругал Ван Чуаньдэн.

Однако Цзи Саньмэй искренне завидовал такой простой и «бесполезной» жизни.

Но если бы он сам был таким, то давно бы уже превратился в прах. Поэтому он мудро выбирал держаться на расстоянии от таких людей, лишь изредка позволяя себе немного поиграть с ними.

Он сидел рядом с Чанъанем на пороге, терпеливо слушая все истории его короткой жизни.

Но поскольку эта жизнь была слишком коротка, Чанъань быстро замолчал, а его глаза застыли на губах Цзи Саньмэя, словно он хотел вытянуть из них его собственные истории, чтобы поделиться ими.

... Похоже, ему суждено разочаровать его.

Цзи Саньмэй протянул руку, стряхнув пепел с трубки на ступеньку, и с улыбкой ответил:

— Моя жизнь довольно скучна, нечего рассказывать.

— «Скучна»? — Чанъань наклонил голову. — Что это?

Цзи Саньмэй никогда раньше не общался с древесными духами, и ему показалось это забавным:

— Ты не понимаешь, что такое «скучно»?

Чанъань с недоумением покачал головой.

Цзи Саньмэй, словно что-то поняв, положил руку на его грудь и ощупал её, после чего всё стало ясно.

... Чанъань был деревом. У него не было сердца.

Саньмэй:

— Ты вложил своё духовное сознание в трубку?

Фаши:

— ... Духовное сознание может перемещаться. Я могу поместить его куда угодно.

Саньмэй:

— То есть ты хочешь, чтобы я лизал то, что ты задумал?

Фаши:

— Мм.

Саньмэй:

— Погоди, значит, иногда я лижу...

Фаши:

— ...Мм.

Саньмэй:

— ... [с удовольствием]

<http://bllate.org/book/16281/1466111>